УДК 81
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

А.С. Щекин
Институт лингвистических исследований Российской академии наук

К ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА «ПИТЬ МЁРТВУЮ ЧАШУ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется употребление фразеологизма *пить мертвую чашу* и его усеченного варианта *пить мертвую* 'испытывать непреодолимое влечение к алкоголю; приходить в состояние сильного алкогольного опьянения' в русском литературном языке XVIII – начала XXI в. Рассматривается также его связь с устойчивыми сочетаниями *мертво пьяный*, *мертвецки пьяный* и сравнительным оборотом *пьян яко мертв*, также обозначающими сильную степень алкогольного опьянения.

История русского языка, историческая лексикология русского языка, историческая лексикография русского языка, фразеология русского языка, XVIII век, XIX век.

На необходимость диахронического изучения фразеологических единиц неоднократно указывалось в работах, посвященных общим проблемам исследования фразеологии русского языка [9, с. 38]. Важность материалов, предоставляемых письменными памятниками XVIII в. и более раннего времени, для анализа фразеологизмов современного русского литературного языка также отмечалась в исследованиях по исторической фразеологии русского языка [5, с. 11–18; 13, с. 4–5]. В настоящей статье рассматривается одна из фразеологических единиц – устойчивое сочетание *пить мертвую чашу*, его функционирование в русском языке XVIII–XXI вв., его отношение к другим фразеологизмам с подобным значением и возможное происхождение.

Устойчивое сочетание *пить мертвую чашу* или его усеченный вариант *пить мертвую*, обозначающие сильное пристрастие к алкогольным напиткам или сильную степень опьянения, доходящую до потери сознания, выделяются словарями русского языка с конца XVIII в. Впервые это сочетание появляется в первом издании «Словаря Академии Российской»: *Говорится такъже въ просторѣчїи: Пить мертвою чашею или мертвую чашу. т. е. Упиваться непрестанно, безчувственно* [19, ч. 4, с. 306][1]; *Пить мертвую чашу. Пить много крѣпкихъ напитковъ; быть всегда пьяну* (Там же, с. 1243). Выделяется этот фразеологизм и во многих словарях русского языка XIX–XX вв.: «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.)[2] [25, т. 3, с. 221], «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1865 г.) [6, ч. 2, с. 916], словаре «Русская мысль и речь» М.И. Михельсона (1912 г.) [11, с. 627–628], «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1938 г.) [27, т. 2, с. 190], «Словаре современного русского литературного языка» (БАС, 1957 г.) [24, т. 6, стб. 873], «Словаре русского языка» (МАС, 1958 г.) [23, т. 2, с. 349], «Большом толковом словаре русского языка» (2000 г.) [3, с. 535] и др. В современных словарях употребление этого устойчивого сочетания обычно иллюстрируется примерами из произведений русских писателей XIX в.: А.С. Грибоедова, И.И. Лажечникова и др. В «Большом академическом словаре русского языка» (БАС, 2008 г.) фразеологизм *пить мертвую чашу* (*мертвой чашей*) уже снабжен пометой *Устар*. [2, т. 10, с. 93].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) при запросе коллокации «пить + мертвый» показывает 57 текстов и 65 примеров употребления сочетания этих слов [12]. При этом у фразеологизма *пить мертвую чашу* обнаруживается всего 7 цитат, наиболее ранняя из которых датируется 1829 г.: *В разъездах по уезду Фомич (так назывался писец) имел также полное право пить мертвую чашу несколько дней сряду, но только по окончании дела, ибо похмелье его сопровождалось трясением руки, что делало его неспособным к работе* <Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829 г.)> [12]. Остальные цитаты относятся к произведениям И.И. Лажечникова, А.Ф. Вельтмана, Д.Е. Остен-Сакена, П.И. Мельникова-Печерского, А.Ф. Кони и А.В. Амфитеатрова, датируемым периодом с 1835 г. по 1893 г. (Там же). В НКРЯ представлены также единичные примеры синтаксических модификаций этого фразеологизма, ср. *пить мертвой чашей*: *Последний год перед смертью золотарь-то уж очень пил, мертвой чашей: такое, знать, было божие попущение* <И.Т. Кокорев. Саввушка (1847 г.)>; *пить в мертвую чашу*: *Съедутся на вечеринку, начнется попойка; барынь и барышень нет, так стыдиться некого, – пей себе в мертвую чашу!* <М.Н. Загоскин. Русские в начале осьмнадцатого столетия (1848 г.)> (Там же).

Усеченный вариант этого фразеологизма *пить мертвую* оказывается в НКРЯ более частотным (встречается в 32 текстах). При этом 15 его употреблений относятся к XIX в., а 17 – к XX в. Согласно данным НКРЯ, наиболее раннее употребление усеченного варианта *пить мертвую* датируется 1849 г.: *И Бир-*

[1] Здесь и далее в статье цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации цитируемого источника.
[2] Здесь и далее в статье при ссылках на многотомные издания даты в скобках указывают на год публикации цитируемого тома.

копф, как человек сметливый, тотчас воспользовался исключительностью своего положения: пил мертвую и спал с утра до вечера <И.С. Тургенев. Чертопханов и Недопюскин (1849 г.)> [12], при том что толковые словари приводят в качестве примера его употребления цитату из более раннего текста – комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова: <Репетилов> *Пил мертвую не спал ночей по десяти* [27, т. 2, с. 190; 7, с. 628]. У усеченного варианта также появляются синтаксические модификации, ср. *пить на мертвую*: *Пил он на-мертвую* <Н.А. Островский. Как закалялась сталь (1930–1934 гг.)>; *пить в мертвую*: *Четверо мужиков пьют в мертвую, в то время как их односельчане гнут хребет, завершая посевную кампанию* <Вячеслав Пьецух. Деревенские дневники // «Октябрь» (2001 г.)> [12].

Представляется, что вариант *пить мертвую чашу* является первичным по отношению к варианту *пить мертвую*. Можно предположить, что компонент *чаша* с течением времени стал восприниматься языковым сознанием как избыточный. Вследствие этого полный вариант фразеологизма *пить мертвую чашу*, вероятно, так и остался достоянием русского языка XIX в., а усеченный вариант *пить мертвую* продолжал употребляться в русском языке и в XX в., и в XXI в.

Следует рассмотреть и раннюю историю фразеологизма *пить мертвую чашу*, относящуюся к периоду до XIX в. Исторические словари русского языка, охватывающие период XI–XVII вв. [20; 21] не фиксируют такое устойчивое сочетание. Словарь русского языка XVIII в. дает при фразеологизме *мертвою чашею* (*мертвую чашу*) *пить* только ссылку на Словарь Академии Российской, не приводя других примеров его употребления в текстах эпохи [22, вып. 12, с. 143]. М.Ф. Палевская фиксирует в русском языке XVIII в. со значением 'сильно пьянствовать' фразеологизмы *пить смертную чашу* и *дуть мертву чашу*, иллюстрируя их примерами из произведений Д.И. Фонвизина и В.В. Капниста [13, с. 220]. Один пример употребления фразеологизма *пить мертвую чашу* автору настоящей статьи удалось обнаружить в рукописном литературно-сатирическом сборнике, относящемся ко 2-й половине XVIII в. [17]. Среди статей этого сборника, написанного, по всей вероятности, в 70-е годы XVIII в., имеется пародийный «Приказ», посвященный теме пьянства в офицерской среде. В 6-м пункте этого приказа встречается фразеологизм *пить мертвую чашу*:

Приказъ… 6. сего числа капитанъ Аракинъ пришелъ ко мне мертво пьянъ и говорилъ со мною какъ турецкои абызъ или калмыкъ такъ что я и разобрать ничево не могъ на что мертвую чашу пить что и самъ себя не помнишъ ужъ сколко писано писано да и переписано писано было чтобъ не пить и теперь рекомендую господамъ ротнымъ командирамъ и суполтеръ афицерамъ о пьянстве воздержатся а естли кто впредь чинить будет то посаженъ будетъ в чуланъ на хлебъ и воду на две недели [17, л. 47–47 об.].

Этот отрывок дает возможность видеть употребление фразеологизма *пить мертвую чашу* в литературном тексте, а не только в словаре. Показательно и то, что в приведенном примере в том же контексте употребляется другой фразеологизм, обозначающий состояние сильного опьянения, – *мертво пьян*. Устойчивое сочетание *мертво пьян* (*мертв пьян*) фиксируется в русском языке уже в XVI–XVII вв. [21, вып. 9, с. 105, вып. 21, с. 88]: *И меня, г[о]с[у]д[а]рь, Михаило да Григореи Нагие изымали; а Михаило, г[о]с[у]д[а]рь, Нагои мертьво пиянъ* <из челобитной углецкого городового приказчика Русина Ракова (1591 г.)> [26, с. 121]; *И переводчикъ Милюта сказалъ: того де онъ не упомнить о кою пору приходилъ на подворье къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ пьянъ мертвъ и говорилъ въ розговорѣ про государя* <расспросные речи переводчика Милюты Нагаева в деле посольского дьяка Михаила Тюхина (1620 г.)> [14, с. 579]. Следует отметить, что уподобление мертвому человека, находящегося в сильном опьянении, можно найти в форме сравнения и в более ранних памятниках древнерусской литературы: *Оугри* <венгры> *же лежахуть пьяни яко мертви* <Лаврентьевская летопись (1377 г.), погодная запись 1151 г.> [15, с. 336].

Встречается устойчивое сочетание *мертво пьян* и в русском языке XVIII в., ср. примеры его употребления в мемуарной и художественной литературе: *Однажды встрянувшись его* <слугу> *и пошедши самъ его отыскивать, нашелъ я молодца въ людской палаткѣ спящаго и мертво пьяна* <описание А.Т. Болотовым событий 1755 г.> [8, стб. 330]; *Слуга Сабакинъ идучи домой увидя у двора стоящую карету и въ ней кучера чуть живова, отворя ворота впустилъ на дворъ доложа боярину, что прошеная Сальниковымъ карета стояла у воротъ и въ ней не было ни кого, кромѣ кучера, которой лежитъ въ рубашкѣ мертво пьянъ безъ всякаго чувства* (1785 г.) [16, с. 128]; *Хозяин еще до обеда был уже мертво пьян и доказал мне что надворные советники в провинции так же умеют пить, как в гвардии последний полковой писарь* <описание И.М. Долгоруковым событий конца 1791 г.> [7, с. 282]. В XVIII в. для обозначения сильной степени опьянения («до бесчувствия») начинает употребляться также устойчивое сочетание *мертвецки пьян(ый)* [22, вып. 12, с. 141], ср.: *И пропадал* <один из слуг> *три дни от меня, аднако являлся каждый день в абозе мертвецки пьяной* <письмо А.И. Бибикова жене А.С. Бибиковой (1758 г.)> [18, с. 276–277]; *духи Вакховы мертвецки были пьяни* (1771 г.) [10, с. 63].

Если же попытаться реконструировать этимологию фразеологизма *пить мертвую чашу*, то здесь можно сделать следующее предположение. Первоначально уподобление мертвому человека, находящегося в такой сильной стадии опьянения, что он не мог двигаться, говорить и подавать другие признаки жизни, могло реализовываться в форме сравнения *пьян(ый) яко мертв(ый)*. Затем из сравнения развилось устойчивое сочетание *мертв пьян* (*мертво пьян*) и более позднее *мертвецки пьян(ый)* со значением состояния сильного алкогольного опьянения. И уже потом на их базе появился фразеологизм *пить мертвую чашу*, обозначающий действие, приводящее к состоянию сильного алкогольного опьянения (*мертвая чаша* обозначала, вероятно, ту чашу, выпив которую, человек доходил до такой стадии опьянения, когда он становился подобным мертвому).

Следует отметить, что параллельно в русском языке существовало другое устойчивое сочетание со

сходной структурой и тем же значением: *пить горькую*. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко и Л.И. Степанова отмечают, что этот фразеологизм со значением 'много и систематически, запойно пьянствовать (обычно – пытаясь заглушить горе, тоску, уныние, вызванные крайней нуждой)' возник в результате сокращения более раннего фразеологизма: *пить горькую чашу* [1, с. 132]. Фразеологизм *пить горькую чашу*, восходящий, по всей вероятности, к библейскому тексту (Там же, с. 617), был широко распространен в русском языке XVIII в., где имел большое количество вариантов: *пить чашу горести*, *страдания* и т. п. Обычно он употреблялся в более общем значении 'переживать, испытывать, претерпевать что-л. (обычно плохое: страдания, невзгоды, испытания и т. п.)'. М.Ф. Палевская ставит фразеологизм *пить горькую чашу* в один ряд с фразеологизмами *пить смертную чашу* и *дуть мертву чашу* с общим значением 'сильно пьянствовать' [13, с. 220], хотя представляется, что приведенная ею в качестве иллюстрации цитата из комической оперы С.К. Вязмитинова «Новое семейство» не дает основания для такой интерпретации, ср. более широкий контекст: *(Фома) Пилъ я горькую чашу отъ покойницы своей. Она, вѣчная ей память, заставила было меня въ омутъ лѣсть. Какъ же бы мнѣ свою думу начать. Да… выпьемъ прежде стаканчикъ винца, такъ мысли то по проворнѣе пойдутъ. (Вынимаетъ изъ кармана бутылку и стаканъ и становитъ на столъ)* [4, с. 27]. Скорее всего, основным значением фразеологизма *пить горькую чашу* было здесь 'претерпевать что-л. неприятное', а связь с распитием спиртных напитков обусловлена лишь контекстом.

Можно предположить, что наличие в языке фразеологизма, построенного по аналогичной модели, оказало влияние и на развитие устойчивого сочетания *пить мертвую чашу*. В русском языке XX–XXI вв. на смену его полной форме пришла сокращенная форма *пить мертвую*, в которой мотивация значения фразеологического сочетания значениями входящих в него лексем оказалась в значительной мере утраченной.

Литература

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

2. Большой академический словарь русского языка. Тома 1–28 / главный редактор А. С. Герд. – Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004– .

3. Большой толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

4. Вязмитинов, С. К. Новое семейство: комическая опера в одном действии / С. К. Вязмитинов. – Москва : в университетской типографии у Н. Новикова, 1781. – 43 с.

5. Генералова, Е. В. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. / Е. В. Генералова, Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. – 462 с.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 частях / В. И. Даль. – Москва : Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866.

7. Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни… Том 1 (серия «Литературные памятники») / И. М. Долгоруков ; издание подготовили: Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 816 с.

8. Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 / А. Т. Болотов. – Санкт-Петербург : Приложение к «Русской старине», 1870. – 1017 стб.

9. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Филологическое наследие. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 28–49.

10. Майков, В. И. Елисей или Раздраженный Вакх поема / В. И. Майков. – Санкт-Петербург, [б. г.] (1771). – 73 с.

11. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Санкт-Петербург, 1912. – 1046 с. + 103 с.

12. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru/results?search=CsoCEqMCCqACChMKC (дата обращения 08.07.2024). – Текст : электронный.

13. Палевская, М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века / М. Ф. Палевская. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 368 с.

14. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / издание под редакцией Н. И. Веселовского. Том 3 // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Том 22. – Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1898. – 731 с.

15. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР. Том 1. Лаврентьевская летопись. Выпуск 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1927. – Стб. 289–488.

16. Похождение Ивана гостинаго сына, и другия повести и скаски. – Санкт-Петербург, 1785. – Ч. 1. – 200 с.

17. Сборник литературно-сатирического содержания. Рукопись РНБ ОР. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). Ед. хр. F. 63, 2-я пол. XVIII в. 50 л.

18. Сдвижков, Д. А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году / Д. А. Сдвижков. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 685 с.

19. Словарь Академии Российской. В 6 частях. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1789–1794.

20. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Тома 1–13. – Москва : Русский язык : Азбуковник : Институт русского языка, 1988– .

21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуски 1–32. – Москва : Наука : Лексрус ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 1975– .

22. Словарь русского языка XVIII века. Выпуски 1–23. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Издательский дом ЯСК, 1984– .

23. Словарь русского языка. В 4 томах. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

24. Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР : Наука, 1950–1965.

25. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук. В 4 томах. – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии наук, 1847.

26. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел.

– Москва : в типографии Селивановского, 1819. – Ч. 2. – 610 с.

27. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / под редакцией Д. Н. Ушакова. – Москва : ОГИЗ : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

A.S. Shchekin

ON THE HISTORY OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *'PIT MERTVUYU CHASHU'* (*'DRINK A DEAD CUP'*) IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article analyzes the use of the phraseological unit '*pit mertvuyu chashu'* and its shortened version '*pit mertvuyu'* (to experience an irresistible craving for alcohol; to become severely intoxicated) in the Russian literary language of the 18th – early 21st centuries. The author reveals its connection with the set expressions '*mertvo pyany'*, '*mertvetski pyany'* and the comparative phrase '*pyan yako mertv'*, also denoting a strong degree of alcoholic intoxication.

History of the Russian language, historical lexicology of the Russian language, historical lexicography of the Russian language, phraseology of the Russian language, 18th century, 19th century.